

РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В МАНЬЧЖУРИИ¹

Крестьяне древлеправославного исповедания — старообрядцы — стали прибывать в Маньчжурию, как и некоторые другие группы русских, после окончания в России Гражданской войны. Эмигранты-старообрядцы¹ как поповцы, так и беспоповцы, а также занимавшие промежуточное между ними положение часовенные, в 1920-е гг. приходили в этот регион индивидуально или переселялись единичными семьями. Почти все они поселились в так называемом Трехречье, по другую сторону р.Аргуни, разделившей российские и китайские земли.

В этот период здесь уже сосредоточились значительные группы русского населения, преимущественно из числа забайкальских казаков-эмигрантов.

Старообрядцы переселялись в Маньчжурию в основном из Приамурья и Приморья, история формирования пришлого населения которых очень сложна и характеризуется превалированием в разные периоды русского или украинского этноса. На первых этапах освоения дальневосточного региона, в 50–60-х гг. XIX в., преобладали русские, исповедовавшие разные виды православия — древлеправославного старообрядческого и новообрядческого никонианского. Эти два потока обусловили в значительной мере особенности развития культуры и быта русских. Особую роль сыграли старообрядцы, сумевшие, как показали исследования, лучше других локальных образований русского этноса сохранить исконно русские традиции и быстрее адаптироваться к новым социально-экономическим, экологическим, демографическим и этнокультурным условиям жизни. Основные причины их переселения на восток России — поиски легендарной страны Беловодье², преследование господствовавшей ортодоксальной православной церкви и властей, экономические утеснения на родине и хорошие условия хозяйствования на Дальнем Востоке, отсутствие податей, воинской повинности, хотя и относительная, религиозная свобода, а также стремление завладеть по праву первопроходцев наиболее выгодными промысловыми и земельными угодьями, завести торгово-об-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН. Код проекта 09-I-П25-01.

ARGUDIAEVA Yulia Victorovna — D.Sc, the head of department (Institute of history, archaeology and ethnography of the Far Eastern branch RAS, Vladivostok). E-mail: argudiaeva@mail.ru

менные отношения с аборигенами. Особенностью их перемещения в восточные регионы России была семейная миграция, которая нередко сочеталась с одновременной миграцией нескольких родственных семей или семей однообщинников. Ареал миграции старообрядцев довольно обширен: центральные губернии страны, Поволжье, Урал, Сибирь, Алтай, Забайкалье. Это привело к поливариантности традиционной культуры русского этноса, принесшего на восток России как южнорусские, так и севернорусские традиции. В короткие сроки, восприняв некоторые приемы хозяйствования у аборигенных и живших здесь представителей восточно-азиатских народов, старообрядцы приспособили традиции хозяйственного уклада, материальной культуры и семейного быта к местным условиям и создали крепкие хозяйства, которые могли не только кормить их многодетные семьи, но и давать товарную продукцию, что было крайне важно в малонаселенном регионе.

Однако действия советской власти в 20—30-е гг. XX в., в том числе введение непосильных налогов, коллективизация и атеизация, подорвали экономическую и нравственную основу крестьянских хозяйств. Многие домохозяйства подверглись так называемому раскулачиванию, в процессе которого забиралось практически все имущество, а главы семей арестовывались. Это послужило причиной бегства ряда крестьянских, в том числе старообрядческих, семейств Приморья в близлежащую Маньчжурию. Так, в 1932—1934 гг. начался очередной виток миграционной подвижности старообрядцев. Для эмигрантов-староверов в Маньчжурию так же, как во второй половине XIX — начала XX в. в Приморье, была характерна семейная и групповая миграция.

Перемещение приморских старообрядцев в Маньчжурию заставило их вновь приспосабливаться к иным условиям жизни. Проблема социокультурной адаптации переселенческой этнокультурной группы русских старообрядцев к новым условиям жизнедеятельности, к иному инокультурному окружению еще недостаточно изучена, хотя определенные исследования в этом направлении были опубликованы автором³. Эти данные, а также собранная в последующие годы информация от бывших приморских старообрядцев-эмигрантов, часть из которых возвратилась в Россию, а некоторые обосновались на Американском континенте⁴, позволили нам получить более полные сведения о пребывании этой группы русского этноса в иной этнокультурной среде и определить её роль в сохранении традиционной русской культуры. Эти сообщения были дополнены сведениями японских авторов, с которыми российских читателей впервые познакомил профессор Есикадзу Накамура⁵.

Старообрядческие семьи, большинство из которых были раскулачены, уходили из Приморья в 1930-х гг. тайно, ночью, преимущественно через р. Уссури и ее притоки. Многие из них предварительно селились вблизи границы, устраивались разнорабочими на железную дорогу или лесоперерабатывающие предприятия, а также охотниками и рыболовами, снабжая заводские столовые рыбой и мясом. В удобный момент при помощи китайских проводников уходили за кордон. Эмиграция не всегда проходила

успешно: иные, сплаваясь по горным приморским рекам, застревали в заломах и теряли часть членов своей семьи, некоторые блуждали в приграничном районе и попадали в руки пограничников. И все же нескольким десяткам семей из приморских деревень Архиповки, Варпаховки, Виноградовки, Каменки, Лаулю, Перетычихи и др. (Анучинский, Красноармейский, Тернейский, Чугуевский и другие районы Приморья) удалось без потерь уйти в Северо-Восточный Китай⁶.

Перебравшись через реки Сунгач, Уссури, оз. Ханка и другие пограничные преграды большинство старообрядцев-эмигрантов 1930-х гг. находилось какое-то время в Северной Маньчжурии, в близлежащих к советской территории районах. Первоначальная адаптация этих групп мигрантов проходила в сложных условиях. Все они зарабатывали на жизнь на поденных работах у китайцев — косили сено, валили и разделявали строевой лес, кололи дрова, выполняли иные хозяйственные работы. Плата за труд была мизерной, преимущественно продуктами. Выручали природная смекалка и большая трудоспособность. Некоторые вскоре стали пополнять пищевой рацион своей семьи за счет продуктов охоты на копытного зверя и боровую дичь.

Через год-полтора мигранты перебрались в Харбин, где могли получить небольшую помощь от Бюро российских эмигрантов (БРЭМ), созданного в 1935 г. под протекцией японской Квантунской армии как представительное учреждение русских всей Маньчжурии. В Харбине — узловом пункте Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) — и под Харбином уже было сосредоточено многотысячное русское население, формировавшееся здесь как в дореволюционные, так и в первые послереволюционные годы. Однако в городе, где на поденных работах главе семейства можно было заработать за день всего один рубль, старообрядцы не задержались. Да и более привычны они были к крестьянскому труду, к нему и стремились.

Постепенно в Маньчжурии возникло несколько сельских поселений, основанных преимущественно старообрядцами из Приморья: Коломбо (Колумбэ), Чипигу (Масаловка), Силинхе, Медяны, Романовка, названная так в честь последнего российского царя, и др. Сюда стали стекаться дальневосточные старoverы, поселившиеся отдельными семьями в разных уголках Маньчжурии, в том числе в Трехречье, Синьцзяне, куда мигрировали в основном раскольники Алтая. В частности, в Коломбо обосновались Гостевские и Басаргины, в Селинхе — Мартюшевы, в Романовке — Гуськовы, Селедковы, Калугины, Кустовы, Одинцовы и др. К 1945 г. эти старообрядческие деревни насчитывали десятки дворов. Старообрядческие населенные пункты заселяли преимущественно беспоповцы-часовенные. Они были образованы сравнительно недалеко от городов Харбина и Муданьцзяна на малозаселенных местным населением землях. Это позволило им в примерно схожих с Приморьем природных условиях полностью использовать традиции русских в хозяйственной, семейно-бытовой и духовной жизни. Поселившиеся здесь крестьяне получили название «харбинские старообрядцы», или «маньчжурские старообрядцы».

К тому времени в Маньчжурии произошли события, оказавшие впоследствии определенное влияние на жизнедеятельность эмигрантов-старообрядцев. В начале 1930-х гг. Япония захватила Маньчжурию, в которой было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Маньчжурия расценивалась лидерами Японии как трамплин для массированного вторжения и быстрого захвата всего Китая, как важный исходный плацдарм для военных действий против Советского Союза и Монголии. Их давно привлекали огромные природные ресурсы Маньчжурии, располагавшей достаточно емким рынком для приложения монополистического капитала. Значительный демографический потенциал и важное военно-стратегическое положение региона как относительно Китая, так и СССР вселяли надежду на возможность распространения японской экспансии не только на Дальнем Востоке, но и в прилегающих регионах.

Таким образом, политика территориальной экспансии Японии в Северном Китае предусматривала создание на территории Маньчжурии, с одной стороны, сырьевой и продовольственной базы, с другой — военного плацдарма для дальнейшего продвижения японских войск в южную часть Китая и на север — в Советский Союз. Одним из мероприятий по осуществлению этого плана было переселение семей японских крестьян на земли нового государства Маньчжоу-Го. Однако климат Маньчжурии, новые условия жизни, да и сам процесс переселения, когда все приходилось начинать с нуля, создавали многочисленные трудности в адаптации к новому региону и успешной жизнедеятельности японских крестьян, у которых не было необходимого опыта в приспособлении к новым и непростым условиям жизни, но, как оказалось, такой опыт был у русских крестьян, в тот же период переселившихся в северо-восточную часть Маньчжурии.

По свидетельству японского исследователя Ё. Накамуры в 1936 г., японское правительство составило долгосрочный план колонизации Маньчжурии, согласно которому туда необходимо было отправить около одного миллиона крестьянских семей Японии. Предполагалось, что это позволит решить проблему избыточного сельского населения страны и одновременно установить с Маньчжурией прочные вассальные связи⁷. Благодаря помощи правительства к августу 1945 г. в Маньчжурию переселилось 270 тыс. японских крестьян-переселенцев. Привыкнув жить в условиях островного умеренного климатического пояса, они с трудом приспосабливались к суровому континентальному климату⁸. Как отмечал Ё. Накамура, среди японских колонистов заболеваемость и смертность была гораздо выше, чем среди их соотечественников на родине⁹.

Опыт обустройства и жизнедеятельности русских крестьян-эмигрантов в Маньчжурии мог быть полезен японским переселенцам, и власти приложили определенные усилия для изучения быта и особенностей жизни старообрядцев-эмигрантов, которые за короткие сроки максимально эффективно приспособились к природно-климатическим и бытовым условиям северо-востока Маньчжурии. Японские исследователи досконально изучили жизнь и быт старообрядцев Романовки, в том числе годовой цикл труда и отдыха,

питание при разных видах работ (с учетом калорийности, состава витаминов и др.) и меню по дням, устройство жилых и хозяйственных построек, набор сельскохозяйственных орудий и предметов повседневной жизни, семейно-бытовой уклад, а также особенности общественной и религиозной жизни. Таким образом, по свидетельству Ё. Накамуры, заинтересовавшись Романовкой из сугубо практических соображений, исследователи при более близком знакомстве с романовскими крестьянами обратили внимание на их основательную самостоятельность, преданность своей вере и храбрость, обнаруженную как в борьбе с хунхузами, так и на охоте¹⁰. В итоге японцы опубликовали о маньчжурских старообрядцах несколько книг и статей¹¹.

Опираясь на эти работы, а также на наши полевые исследования, проведенные в современных дальневосточных деревнях, где живут престарелые старообрядцы-реэмигранты, можно составить наиболее полную картину жизни «маньчжурских» староверов.

По свидетельству К.Фудзиямы, вероятнее всего, в ноябре 1936 г. первые четверо основателей Романовки — Иван Селедков с двумя взрослыми сыновьями и Павел Поносков — поставили сруб однокамерного жилища. В феврале следующего года из разных мест Маньчжурии к ним пришли, приведя с собой лошадей, еще 14 мужчин, в том числе Иван Калугин. Они построили избы для своих семей, которые вскоре прибыли в эту местность. Крестьяне смогли приступить к пахоте и севу. Так, к концу 1937 г. был создан поселок Романовка¹². К лету 1945 г. он насчитывал свыше 40 дворов и более 200 жителей¹³. Население Романовки росло как за счет естественного прироста, так и постоянного миграционного притока единоверцев из разных мест Маньчжурии, Приморья и Сахалина. В частности, жена Дементия Бодунова (сына начетчика Ксенофонта Бодунова) — Вера, жена Анисима Калугина (сына Ивана Калугина-старшего) — Елена, жена Леонтия Селеткова — Ирина были родом с Южного Сахалина¹⁴.

Обратимся к информации самих старообрядцев - эмигрантов и архивным материалам Главного Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) в Маньчжурии. БРЭМ ставил на учет всех российских эмигрантов, благодаря чему мы сегодня имеем возможность познакомиться хотя бы с краткими сведениями о миграции староверов по России, причинах и времени эмиграции в Маньчжурию и передвижении их по этой стране, занятиях старообрядцев на российской и китайской стороне, некоторых аспектах их общественной деятельности. На каждого, в том числе и мальчиков-подростков, заполнялась краткая регистрационная анкета с фотографией. Если кто-либо из взрослых мужчин привлекался к общественной деятельности в 3-м Отделе БРЭМа, то на него заполнялась более подробная анкета, так называемые “Биографические сведения”, в которой полностью записывались биографические данные опрашиваемого — фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальная и конфессиональная принадлежность, грамотность, политическое убеждение, основной вид деятельности и место службы, подданство, брачное состояние — холост, вдов, разведен или состоит в браке (церковном или гражданском). Поми-

мо этого в графе “семейное положение” необходимо было сообщить аналогичные данные о ближайших родственниках — жене, детях, отце, матери, братьях, сестрах, невестках и их детях (если таковые были) и других родственниках, проживавших одним хозяйством. Указывалась дата прибытия в Маньчжурию и его причина, а также, начиная с 1910 г., ежегодно при заполнении анкеты необходимо было сообщать место жительства и службы, на каких должностях служил (если не служил, то чем занимался). Необходимо было сообщить в “Биографических сведениях” место жительства и работы (службы), величину заработка, имеющееся имущество (наличие дома, для крестьян — количество рабочего и молочного скота), а также кто из знакомых есть в Маньчжурии (имя, отчество, фамилия, место работы и жительства).

По воспоминаниям информаторов, в Маньчжурии эмигранты оказались в сходных с Приморьем экологических условиях — это были лесостепные районы, позволявшие добывать средства к существованию основными традиционными занятиями — пашенным земледелием и скотоводством, а также охотой и сбором дикоросов. “Никакой разницы, что в Приморье, что в Маньчжурии — такой же климат и деревья, шишки, зверь”, — рассказывал П.Г.Мартюшев.

Харбинцы, находясь на чужбине, придерживались традиций русских в хозяйственной деятельности, семейно-брачных и общественных отношений, материальной (жилище, одежда, пища, утварь) и духовной (религиозные воззрения, книжность, семейные и календарные обычаи и обряды) культуре. В каждом селе была своя конфессиональная община. Старобрядцы-романовцы относились к беспоповцам -часовенным. Службу отправлял в специально построенной молельне настоятель. Совершались и ежедневные домашние моления. Во всех домах были старинные иконы и книги, привезенные из России. Именно вера, по мнению информаторов, помогла старообрядцам не только перенести все невзгоды переселения за границу, но и выстоять в новых условиях.

Конфессиональная община нередко сливалась с сельской. Они действовали в едином направлении по регламентации всей жизни однообщинников. В Романовке, как и в других старообрядческих деревнях Маньчжурии, было общинное самоуправление. В отличие от Приморья, где всегда был один староста, здесь выбирали на этот пост двух человек — для распоряжения внутриобщинными делами и для связи общины с внешним миром. Обычно старосту выбирали сроком на один год. Выборы проходили на *соборе*, который был один раз в три года. На нем обычно присутствовали только мужчины, но могли прийти и женщины-вдовы¹⁵.

Руководство общины строго следило за тем, чтобы в брак вступали исключительно с одноверцами с учетом брачных запретов до восьми степеней по кровному, а также по духовному (кумовья) родству. В случае нарушения этого запрета супругов разводили, могли и отлучить от религиозной общины. Строго относились и к внебрачным отношениям, но “грехи” у молодых все же случались, в итоге девушка оставалась беременной, иногда и рожали

“в девках”. Бывало, что виновным оказывался родственник или однообщинник, который не хотел брать в жены обманутую им девушку. Тогда общество принуждало отдать пострадавшей семье корову, а девицу стремились выдать замуж за вдовца или прибывшего переселенца-старообрядца (деревни постоянно пополнялись новыми семьями, стекавшимися в Маньчжурию из других территорий Китая). Переселенцы обычно приходили обедневшими после долгих скитаний и соглашались породниться с богатыми. Предупреждение зачатия и аборт рассматривались как очень большой грех, так как считалось, что уже на третий день зачатия у ребенка есть душа и убивать ее нельзя. Женились и на вдовах, но их детей обычно воспитывала не мать, а брат мужа. Бывали браки и с мигрантами-украинцами, которые не принимали старообрядчество. В таких случаях детей этой брачной пары по старообрядческой вере не крестили. Брачных контактов с китайцами не было¹⁶.

Бытовала в старообрядческих селах и традиционная для русских взаимопомощь: вновь прибывавшим в общину семьям *помощью* рубили избу, помогали в работе на пашне и сенокосе, при заготовке дров, рубке капусты, обработке льна, выделяли скот и т.п.. Хозяйства были крепкие, хотя семьи не отличались большой численностью и состояли преимущественно из родителей и их неженатых (незамужних) детей. Женатого сына отдавали, выделяя ему отдельный участок земли.

Грамоте большинство молодежи учили по духовной литературе. Это была обязанность старшего поколения. П.Г.Мартюшев вспоминал, что грамоте его учила престарелая родственница Мартюшева (девичья фамилия Макурина) Евдокия. Причем приобщение к знанию азбуки и чтению старообрядческих книг могло быть обязательным для всех, если к такому решению приходил собор.

Сходные условия жизнедеятельности позволяли перенести в новый регион все используемые на прежнем месте способы жизнеобеспечения, но кое-что все же было заимствовано у китайцев. Хозяйство староверов-харбинцев было натуральным, основанным по традиции русских на земледелии и скотоводстве, где придерживались земледельческого календаря. Основную продукцию для жизнеобеспечения добывали сами. Пахали весной на лошадях, используя в основном покупные плуги, преимущественно фирмы “Кунст и Альберс”, у которых были свои магазины и в Маньчжурии. Впрягали обычно 3 лошади, на одну из них усаживали верхом мальчика в возрасте 6–7 лет, чтобы он погонял животных. Боронить умели как мальчики, так и девочки-подростки. Бороны были самодельные, деревянные, с железными зубьями, сделанными в местной кузнице. Землю под пары пахали осенью, в начале сентября, и даже перед Воздвиженьем — 14 (27) сентября.

Основные земледельческие культуры в хлебопашестве были аналогичны приморским — яровая пшеница, овес, гречиха, просо, рожь. Вначале сеяли рожь, затем, до Георгиева дня (25 апреля) пшеницу, далее — овес, и сразу после них — просо; завершались весенние работы посевом гречихи (14–15 мая по ст. стилю). В мае сажали огородные культуры — картофель,

тыкву, брюкву, огурцы, морковь, свеклу, помидоры, капусту и др. Капусту предварительно выращивали в специальных *рассаdnиках*, а рассаду помидоров — в избе¹⁷. Некоторые по примеру китайцев выращивали мак, добывали опий и сбывали его местному китайскому населению¹⁸. Подсолнуха сеяли мало, только пощелкать семечки. Масло растительное покупали у китайцев. В небольшом количестве сеяли и мак. Предпочитали выращивать с у з у (масленичное растение) — она крупнее и маслянистее мака. Толченную в ступе сузу употребляли в качестве начинки для пирогов, из нее приготавливали также масло¹⁹.

Для прополки зерновых и огородных культур, их уборки некоторые нанимали работников из числа китайцев или только что прибывших переселенцев-старообрядцев. Уборка зерновых осуществлялась по степени их зрелости. Хлеба убирали либо *косой с грабками*, а если хлеб полег — *серпом*; эту работу выполняли и мужчины, и женщины, и подростки. Женщины и девочки-подростки вязали снопы. Их складывали в *суслоны* по 7 (6 снопов колосьями вверх, седьмым прикрывали) или 11 снопов (восемь снопов — кругом, колосьями вверх, два сверху колосьями вниз и еще одним, служившим гнетом, придавливали). Суслоны свозили на ток и складывали там в круглую *кладь*, обычно в три ряда, колосьями к середине. Сверху закрывали холщовой *палаткой* от дождя. Молотили после Покрова, 1 (14) октября, до снега, обычно конной молотилкой, пуская по кругу 4 пары лошадей²⁰.

Картофель копали после Покрова. Капусту рубили специально сделанными полукруглыми *сечками* в конце октября, солили ее с морковью или свеклой.

Домашний скот и птица были как и на родине: лошади, коровы, козы, утки, куры. Их разводили с учетом рабочей силы хозяйства при заготовке сена и потребностей семьи.

Полностью романовцы не обеспечивали себя земледельческой продукцией. Часть ее, в частности, муку, рис, и, как уже говорилось, растительное масло, покупали у соседей-китайцев.

Охотились на тигров, изюбрей, кабанов, белку, колонка и др. Добытое использовалось как в семье, так и для получения наличных денег. Крупных тигров убивали, а тигрят ловили, продавали через Харбин для зоопарков и цирков. Весной у изюбрей добывали панты и сбывали китайцам, которые использовали их в медицинских целях. “Панты вырубали с теменной костью. Старались увезти свежие (1–2 дня) — цену лучшую давали. Научились и варить панты. Варишь в широком тазу, вместе с редким пухом на рожках. Часов пять водишь ими в горячей воде, немного остудишь и опять. Мы в печках не досушивали, когда сваришь — шкуру сдерешь. Если для себя варишь, так варили немножко и как холодец, добавляли сахар — варево становится гибким и мягким. Панты и женьшень только для стариков. Молодым вредно и сильную полноту может вызвать”²¹.

Из дикоросов добывали дикий виноград, различную ягоду, корень женьшень, грибы, кедровые и волоцкие орехи. Занимались пчеловодством. На пасеках были улы-дуплянки и рамочные²².

Жилые и хозяйственные постройки строили так же, как и в Приморье, преимущественно по северорусской традиции — избы рубились из дерева, “в чистый угол”. Точно так же строили и хозяйственные постройки — сараи, конюшни, коровники, бани. “Дома были рубленые. При закладке дома монетки не клали, а под *матицу* клали молитву. Перекрестят и положат — “Да воскреснет бог” или “Крест- хранитель”... Дома рубили из кедра. На половицы лес брали с комля (без сучков). Половицы уложишь, клином сбиваешь...потом на шпунты и на клей, который делали сами. Зато полы были крепкие, м о ч ь (мокро) не пропускали”²³.

Интерьер избы также был традиционно русским. Его неперменный атрибут— духовая, так называемая “ русская” печь, функции которой обширны: в ней варили, парились, лечились, на ней спали. По диагонали от печи располагался “красный угол” с иконами, там же стояли стол и лавки; в других углах — супружеская кровать, сундуки. Рядом с печью, под потолком устраивали, как и в России, *полати*, на которых чаще всего спали дети и молодежь²⁴.

Духовые печи делали из глины. Ее искали, стараясь найти синезеленую, которая считалась лучшей из глин, т.к. в ней содержалось 25–30% песка. В глину для *пода* (свода. — Ю.А.) печи, для его крепости, подсыпали соль или слой битого стекла, или истолченный кирпич с песком — тогда *под* хорошо «держал» жар. Но чаще *под* в печи старались делать из самодельного кирпича. Пол на чердаках мазали глиной — сушили там грибы, орехи, кукурузу. Обычно кукурузу складывали в *кукурузники*, которые делали по-китайски: сооружали на расстоянии примерно на метр от земли помост, на который и складывали урожай²⁵.

Основу питания составляла традиционная русская еда — хлеб, мучные и крупяные изделия, мясо, рыба. В свежем и квашеном виде употребляли овощи. Из культивируемых и диких ягод варили на меду варенье. Ягоды, дикие яблочки, виноград, актинидию, черемшу заготавливали на зиму; употребляли в пищу и другие дары тайги — орехи, грибы. Из напитков в будни распространен был квас, в праздничные дни — брага и “медовуха”. Разведение домашнего скота и птицы позволяло постоянно иметь на столе мясную пищу. Она дополнялась “диким” мясом, полученным от охоты на кабанов, изюбрей, коз, боровую и водоплавающую птицу, а также рыбой. Повседневные и праздничные блюда также были традиционно русскими — щи, кисели, пироги, блины, горошницы, кулага, паренки и др. В приеме пищи строго придерживались еженедельных постных и “молосных” дней, а также “великого” и “малых” постов в течение календарного года.

И нательная, и верхняя одежда была традиционной. Ткани для этого покупали, хотя выращивали лен и коноплю, но их использовали только для хозяйственных нужд. Из льна ткали полотенца и *палатки* (укрывать

зерновые, сено и т.п.), из конопли вили веревки. Основу женской нательной одежды составляли поликовая рубаша, “круглый” или косоклинный лямошный сарафан, фартук (*запон*), *шашмура* (головной убор замужней женщины в виде шапочки-чепца с завязкой - вздержкой на затылке). Поверх *шашмуры* надевали платки — легкие (яркие, разноцветные из шелка) и тяжелые, теплые, вывязанные из овечьей шерсти или пуха. Основа мужской нательной одежды — рубаша со стоячим или отложным воротом, с прямым или боковым разрезом спереди, и штаны. Непременный атрибут и мужского, и женского костюма — вытканый или вывязанный пояс, надеваемый женщинами поверх сарафана, мужчинами — поверх рубахи²⁶. Пояса, выполняя роль оберега, использовались не только в повседневной жизни, но и играли важную роль в семейных и календарных обрядах.

Полностью сохранялись традиции и в семейно-брачных отношениях. В семье бытовало разделение труда на мужской и женский, хотя нередко в отсутствие мужчин взрослые женщины выполняли и сугубо мужские работы — пахали, косили сено, ходили за лошадьми и даже охотились. В семьях с супружеской парой во главе семьи обычно стоял старший мужчина, он же вместе с женой “держал” семейную кассу, выбирал для сына невесту, а для дочери — жениха. В неразделенных семьях помимо этого глава семьи распоряжался всеми мужскими делами, а его жена — женскими, назначая понеделно невесток на ту или иную работу²⁷.

Ежедневный распорядок в старообрядческой семье был строго регламентирован и во многом определялся хозяйственными функциями, основными видами деятельности (хлебопашество, таежные промыслы), сезоном года, исповедальными установками, половозрастным разделением труда, трудовыми традициями и пр.: время подъема, дневных и вечерних работ, приема пищи, отхода ко сну, молитв проходили в установленные часы. Вставали рано, особенно в летнее время; в течение первых пяти дней недели работали полностью, в субботу — частично. В шестой день недели вечером мылись в бане, затем шли к вечерне; воскресенье считалось праздничным, нерабочим днем. Завтракали, обедали и ужинали в назначенный час все вместе, опаздывать не разрешалось. Мужчины, женщины и дети располагались за столом в определенном порядке, начинали трапезу только после главы семейства, из общей миски, соблюдая определенные правила поведения за столом.

Предшествовала приему пищи и завершала его молитва, к которой детей приучали сизмальства. Молитва как составная часть духовной жизни старообрядца сопровождала его в течение всего дня. К ней, как к библии и другой религиозной литературе, ежедневно обращались все члены семьи, чаще старшие, которые внимательно следили за выполнением всех религиозных правил. Согласно им строго придерживались еженедельных и общепринятых в христианстве постов годового цикла; за нарушение конфессиональных канонов накладывали епитимью, отлучали от церкви. Через повседневный уклад семьи дети приобщались к реалиям жизни.

Безусловно, их воспитанию и личной гигиене старались уделять внимание с младенчества, хотя это было непросто в условиях постоянной хозяйственной загруженности родителей и других домашних. Купали детей каждый день в отдельной («детской») лохани. Пеленки и подгузники делали из старых, мягких вещей. Специальным длинным (до двух метров) поясом-*пеленишником* туго пеленали младенца. Кроме материнского детей кормили также кипяченым коровьим молоком: его помещали в выделанные особым способом коровьи соски, которые брали после забоя коровы. Прикармливали детей и «хлебными» сосками: жеваный пшеничный хлеб сдабривали медом и заворачивали в тряпочную «соску». Ребенку в возрасте до года разрешалось не поститься, более старшие дети, как и взрослые, следовали всем канонам православия о постных и «молосных» днях.

Уходом за детьми обычно занимались мать, старшие сестры, бабушки. Рано приобщаясь к повседневному крестьянскому труду, дети воспринимали от них, а также родителей и старших братьев, трудовые навыки. Весь уклад семейного коллектива и конфессиональной общины приобщал ребенка к реалиям трудовой, будущей семейной и духовной жизни, к нравственным идеалам старообрядчества. Тяжкие проступки практически не совершались, поэтому детей наказывали редко. Старшие старались воспитывать словом и собственным примером, поэтому к старикам и родителям было уважительное отношение. Если родители умирали, то крестные родители или ближайшие родственники забирали детей-сирот в свои семьи²⁸. Бабушки и дедушки, пожилые соседи иногда в большей степени, чем родители, передавали внукам традиционный опыт и различные навыки, знакомили с основами нравственного воспитания и религии, учили грамоте по старинным книгам религиозного содержания, как правило, по Библии и (чаще) Псалтырю. Обучением детей занимались, в частности, жительницы пос. Селинхе — мать нашего информатора П.Г.Мартюшева и его родственница Е.Макурина, крестьянка из Романовки В.С.Бодунова. Причем приобщение к знанию азбуки и чтению старообрядческих книг могло быть обязательным для всех, если к такому решению приходил собор²⁹.

К повседневному крестьянскому труду дети приобщались с ранних лет. Трудовое воспитание в повседневной жизни шло само собой: мальчики осваивали мужские работы (пахота, пастьба скота, обращение с ружьем и ловушками на пушных зверей и т.п.), девочки — женские (присмотр за детьми, приготовление пищи, шитьё, прядильные и вязальные работы и т.п.). Существенным для формирования личности была передача трудовых навыков, приобщение к народной культуре и совместное проведение домашнего досуга непосредственно в рамках семьи.

Завершая краткий обзор материалов, полученных от информаторов — старообрядцев, мигрировавших в свое время из Приморья в Маньчжурию, отметим, что иноэтническое окружение не мешало русским крестьянам сохранить свои традиции в хозяйстве, семейно-бытовом укладе, материальной и духовной культурах, в том числе в религии.

Сохранению традиционной народной культуры и быта, их успешному развитию и адаптации крестьян-старообрядцев в Маньчжурии способствовали, на наш взгляд, следующие основные обстоятельства:

- экономические причины — крестьяне хотя и не владели землей как частной собственностью (платили небольшую арендную плату местному железнодорожному управлению), но имели возможность вести частное, а не коллективное хозяйство, как в СССР;

- местность, где поселились «маньчжурские» старообрядцы, была редко заселена, так как ее контролировали хунхузы (китайские разбойники). (Хунхузы жили за счет награбленного у населения. Китайские крестьяне их очень боялись, они не могли противостоять хунхузам и старались не селиться в этих районах. Когда от рук этих бандитов погибло несколько старообрядцев, хорошие охотники-стрелки объединились и выбили хунхузов из местности. Это приветствовалось и японскими военными, властвовавшими в 1930-е гг. в Маньчжурии);

- экологические условия, в которые попали маньчжурские старообрядцы рассматриваемых нами деревень, были близки к природным условиям Приморья, что позволило им практически полностью воспроизвести в Маньчжурии такую же как на приморских землях, хозяйственную деятельность и материальную культуру;

- невмешательство китайских и японских властей в религиозные воззрения старообрядцев-часовенных позволило последним полностью сохранить свои религиозные взгляды, которые для старообрядцев были важнее социально-экономических условий. Отличные работники, они в любых обстоятельствах находили возможность прокормить свои семьи, и в этом им, безусловно, помогала религия. Лояльное отношение японских властей к жизни маньчжурских старообрядцев было, вероятнее всего, обусловлено и тем, что японцы могли перенять у староверов опыт жизнеобеспечения в новых условиях; старообрядцы также поставляли на местный рынок значительное количество продуктов питания, что в условиях военного времени 1940-х гг. было немаловажно;

- неприкосновенность вероисповедных воззрений способствовало сохранению основ семейно-бытового уклада, календарной и семейной обрядности и в целом духовной жизни. По мнению харбинских староверов, именно религиозные воззрения помогли им выжить в чужой стране, пройти сталинские лагеря, а их родственникам — эмигрантам из Китая в страны Азиатско-Тихоокеанского региона — сохранить русскую культуру и язык в новых старообрядческих поселениях в Бразилии, Уругвае, Австралии, Канаде, США.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Старообрядцы — последователи старообрядчества (т.е. совокупность религиозных течений, возникших в результате раскола в русском православии), отказавшиеся принять церковные реформы, проведенные патриархом Никоном в XVII в. Царским указом они были объявлены вне закона. Участие в расколе каралось смертью. Спасаясь от гонений,

они бежали на малозаселенные окраины России. *Старообрядчество* делится на два основных направления — поповщину и беспоповщину, состоящих из многих течений, согласий и толков. *Согласие* — термин не строго определенного значения. Более дробное разделение согласий зачастую называют *толками*. *Поповщина (поповцы)* объединяет группу толков и согласий, признающих священство, совершение таинств и треб, а также традиционную для православия церковную иерархию. *Беспоповщина* — радикальное направление, отвергшее церковную православную иерархию и «таинство» священства в целом, возникло в конце XVII в. Беспоповцы заменили священников уставщиками и начетчиками (наставниками), которых выбирали из числа грамотных однообщинников Религия народов современной России. А-Я. Словарь. М.: Республика, 2002. С.45, 46, 496–498; Старообрядчество. Лица. События. Предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С.264, 301.

² *Беловодье* — название легендарной страны, где по народным представлениям, распространённым среди старообрядцев XVIII–XIX вв., сохранялось древлеправославное благочестие в первозданном виде: с благоверным государем и святейшим патриархом во главе... с сонмом благочестивого духовенства. Предполагалось, что Беловодье находится на Востоке, в горах Тибета или Опоньском царстве (Япония). Многие старообрядцы пытались найти эту страну. Старообрядчество. Лица. События. Предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С.44.

³ Аргудьева Ю.В. Историко-культурные и семейные связи Дальнего Востока и Америки // Историко-культурные связи между населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии: К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: Материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 1–5 апреля 1998 г.). Владивосток, 1998. С. 268 — 277; Её же. Приморские старообрядцы в изгнании // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Материалы первой междунар. науч.- практ. конф. Владивосток, 24 — 26 сентября 1997 г. Кн. 2. Владивосток, 1999. С.165– 173; Её же. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000, и др.

⁴ Рукописный фонд автора (далее РФА). Информация П.Г.Мартюшева, 1923 г. рожд. (проживает в штате Орегон, США) записана в г.Владивостоке; информации Л.И.Селеткова, 1919 г. рожд. и Н.И.Селеткова, 1921 г. рожд., пос.Березовый Солнечного р-на Хабаровского края; А.И. Гуськовой, 1925 г. рожд., с.Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края, и др.

⁵ Накамура Ё. Поселок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936 — 1945 гг. (Рукопись). С.4 — 28; Его же. Романовка — поселок староверов в Маньчжурии (1936 — 1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 247 — 253. Эта работа была переиздана : Накамура Ё. Романовка — поселок староверов в Маньчжурии (1936 — 1945 гг.) // Ёсикадзу Накамура. Незримые мосты через Японское море. История и литература в поле русско-японских отношений. СПб., 2003. С.113 — 124.

⁶ РФА. Информация П.Г.Мартюшева; Л.И.Селеткова; Н.И.Селеткова, А.И.Гуськовой и др.

⁷ Ёсикадзу Накамура. Поселок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936 —1945 гг. (Рукопись). С.8.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Фудзияма К. Деревня Романовка. Чаньчунь, 1941; Ямадзоэ С. Рассказы о Романовке. Чаньчунь, 1941; Тэруока Г. Жизнь колонизаторов. Сельское хозяйство и жизнь белых русских. Токио, 1942. Вып. 2; Фукуда С. Русские в Маньчжурии. Токио, 1942; Аногава И. Жизнь раскольников //Канко Тоа. Чаньчунь, 1943. № 1.

¹² Ё.Накамура. Романовка — поселок староверов в Маньчжурии (1936–1945 гг.). С.124.

¹³ Накамура Ёсикадзу. Поселок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись). С.15.

¹⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.830. Оп.3. Д.42547.

¹⁵ РФА. Информация П.Г.Мартюшева.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РФА. Информация Н.И.Селеткова.

¹⁸ РФА. Информация П.Г.Мартюшева.

¹⁹ Там же.

²⁰ РФА. Информация Селеткова Л.И.

²¹ РФА. Информация П.Г.Мартюшева.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ РФА. Информация Селеткова Н.И.

²⁵ РФА. Информация П.Г.Мартюшева.

²⁶ РФА. Информация А.И.Гуськовой, Н.А.Селеткова.

²⁷ РФА. Информация А.И.Гуськовой.

²⁸ Там же.

²⁹ РФА. Информация П.Г.Мартюшева, Н.И.Селеткова.

Y.V. Argudiaeva

Russian peasants in Manchuria

The economic activity and family way of Russian Old Believers-emigrants' life are viewed. The article notes these peasants who had emigrated from the Far East to Manchzhuria in 1920–1930 and adapted to the new ethnic and cultural environment remained their own traditions.

Key words:

Russians,
peasants,
Old Believers,
economic and family way of life.

Ключевые слова:

русские,
крестьяне,
старообрядцы,
хозяйственный и семейный быт.